

3 Брва, А. Рай даўно перанаселены : раман, аповесці, апавяданні / А. Брва. – Мінск : Галіяфы, 2012. – 276 с.

4 Ракоўская, Л. Хто крадзе веру, розум і волю : інтэрв'ю з пісьменніцай А. Брва / Л. Ракоўская // Звязда [Электронны рэсурс]. – 2014. – Рэжым доступу: <http://zviazda.by/be/news/20140612/1402522439-hto-kradze-veru-rozum-i-volyu>. – Дата доступу: 10.10.2020.

5 Котава, Р. Безумные менады – это удивительное явление античной культуры / Р. Котава // [Электронный ресурс]. – 2017. – Рэжым доступу: <https://fb.ru/article/349538/bezumnyie-menadyi---eto-udivitelnoe-yavlenie-antichnoy-kulturyi>. – Дата доступу: 11.10.2020.

О. А. ЛИДЕНКОВА
(г. Гомель, ПГУ имени Ф. Скорины)

МИФ И ИСТИНА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются мифотворческие устремления различных поколений белорусских писателей, которые обращаются к теме национальной истории. Объектом изучения являются произведения Л. Рублевской, А. Длатовской, З. Каминской, С. Балахонова. Анализируются подходы к определению допустимой степени вымысла в изложении исторических событий, противопоставление фактов и ложных стереотипов. Выявляются способы разрешения конфликта творимого исторического мифа и объективной реальности.

До настоящего времени в белорусской литературе остается неразрешенным вопрос с переосмыслением устоявшегося образа новой и новейшей национальной истории, унаследованного еще с советских времен. Между тем, запрос на подобную тематику явно ощущается среди нового поколения читателей. Герои романа Длатовской “Ген зямлі” последовательно демонстрируют неприятие искусственно облагороженной черно-белой истории, желание проработать в общественном сознании в том числе болезненные вопросы национальной памяти: “Прабач, – Даніл закрыў далонню вочы. – Я ўвесь час задаю жудасныя пытанні. – Ты адзіны, хто іх задае” [1, с. 8]. Проблема ложной истории – одна из центральных в романе: “Новаўтворанай краіне была патрэбная ідэалогія. Ідэалогія, якая б вытлумачвала аб’яднанне <...> агульнай гісторыяй. Калісьці ўсе гэтыя тэрыторыі ўжо былі адной дзяржавай. І менавіта гэта – слушны парадак. Так і павінна быць” [1, с. 3].

Одновременно критике со стороны молодых писателей подвергается недостаточное общественное внимание к собственному наследию, которое зачастую носит поверхностный игровой характер. Интересен в этом плане рассказ Каминской “Гульня слоў”. За основу автор берет гедонистическую установку современной культурной парадигмы, нацеленной на игровое восприятие даже серьезных и трагичных событий, в данном случае – репрессий в отношении белорусской интеллигенции 1930-х гг., которые для героя рассказа ограничиваются пространством квест-комнаты, модным видом развлечения на выходные. Для Максима в прошлом важен только необычный антураж, своеобразная экзотика, которая щекочет нервы и вносит разнообразие в монотонную уютную жизнь. Реальный масштаб и трагедия конкретных людей ему мало интересны и воспринимаются абстрактно-отстраненно, как общее место из школьной программы. Сюжет строится как постепенное насильное погружение героя из удобной комфортной современности в сюрреалистичный кошмар реального заключения. Нарушение сценария квеста ставит героя лицом к лицу с прошлым, неприглядность которого нельзя забыть или изменить просто потому, что хочется новых впечатлений: “І тут расчыніліся дзверы. – Марк, мне гэтая гульня

надакучыла. – Вой, табе не падабаецца. Ну дзе ты яшчэ так прасякнешся іншай рэальнасцю: уяві, табе ж недзе трыццаць? І вось, шмат каму з гэтых пісьменнікаў было трыццаць. І некаторыя з іх таксама думалі, што трапілі сюды так, не назаўжды, што іх выпускаць, і яны хутка пабягуць да сваіх каханых” [2, с. 98].

На релятивізме любога знання, в том числе исторического, ненадёжности человеческой памяти строит свою идеологическую систему главный антигерой А. Длатовской: “Эдуард Львовіч ведаў, наколькі лёгка затлуміць людзям галаву. Людзі любяць быць незадаволенымі, людзі любяць быць супраць” [1, с. 2].

“Губернскі дэтэктыў” К. Шталенковой также развивает эту идею. В своей ироничной пародийности он ближе всего роману С. Балахонова “Імя грушы”. В обоих случаях повествование ведется с точки зрения героя, находящегося в плену собственных довольно ограниченных убеждений и жизненных установок. У обоих авторов героям труднее всего увидеть очевидное, а чем невероятнее ложь, тем легче в нее верят. У Балахонова доверчивая Наталья ищет романтику и кару небесную там, где полячка Камилла разоблачает теорию заговора и банду мошенников. Одна и та же записка интерпретируется противоположным образом в зависимости от желаний читающего: “А Ляхоўскі нарашаў вам і нам Няміскую бітву. Дзіўна, што яшчэ ня дзень народзінаў Тутмоса III!” [3, с. 92]. Главная героиня Наталья своими наивными попытками вести самостоятельное расследование при полной неспособности разобраться как в себе, так и в окружающих, удивительно похожа на самонадеянную панну-детектива Шталенковой: “З той пары я стала сапраўдным дэтэктывам, нават трошкі шпегам, <...> вакольнымі трактамі імкнулася наблізіцца да меркаванай праўды” [4, с. 62].

Ирония в том, что хотя герои Балахонова являются очевидцами событий (не случайно это роман “в мемуарах”), а панна Пракшина добросовестно ведет дневник, выдержки из которого любезно предоставляет автор, к правде не приближается ни один из персонажей, демонстрируя, что даже слова очевидца в силу неизбежной субъективной интерпретации не гарантируют фактической достоверности его свидетельства. Излагая одно и то же происшествие, разные рассказчики выделяют разные детали и даже противоречат друг другу: “Хто яго ведае, дзе там падзея больша галоўная, а дзе – менш” [3, с. 16]. Вывод о том, что существуют не факты, а наша интерпретация фактов, делает в своем дневнике панна Пракшина: “Miane troche bianceżyc toje, nakolki wszystko u żyćci adnosna. Roznyja liudzi buduć adrozna mierkawać pra addno i toje ż zdareńne” [4, с. 158]. И хотя обе героини в своих записях удивительно проникательны и солидарны в сомнениях относительно человеческой способности видеть события в их истинном свете, сами они парадоксальным образом убеждены в том, что именно их понимание ситуации единственно правильно.

Тот же лейтмотив своеобразной слепоты к тому, что действительно достойно войти в историю, развивают З. Каминская и А. Длатовская: “Царква была такая маленькая, вытанчаная ў параўнанні з саборам, што яе вельмі лёгка абмінуць увагай. А між іншым, менавіта яна галоўная ў гэтым ансамблі. Вось гэтак жа яны ўсе не заўважалі ў сваіх гарадах самага істотнага, самага важнага” [1, с. 51]. Подобные детали логично подводят читателя к более широкому обобщению в отношении не только описания происшествий частной жизни персонажей, но и привычных документированных событий национальной истории: “Хто-хто, а гісторыкі лепей за іншых ведаюць, наколькі няпэўная штука памяць. Больш за ўсё, між іншым, ілгуць дакументы” [1, с. 16].

В финале романа “Губернский детектив” Шталенкова помещает рецензию вымышленного читателя на роман панны Пракшиной, который сюжетно повторяет только что нами прочитанное произведение Шталенковой. В своем письме в редакцию вымышленный “уважлівы чытач” не верит в правдоподобность и саму возможность ранее описанных ситуаций, то есть одновременно сюжет Шталенковой и правдив (в рамках художественной условности романа), и вымышлен (являясь плодом фантазии писательницы), а рецензия воображаемого читателя является саморецензией автора, наглядно подтверждая вышеупомянутый тезис о ненадежности письменных свидетельств. Таким образом, в тексте

К. Шталенковой самой важной оказывается не детективная интрига как таковая, а предоставленная жанровым канонем возможность балансирования на грани веры и скептицизма.

Из приведенных примеров следует, что мотив поиска истины строится на парадоксе уверенности в ее существовании и одновременном признании крайней субъективности человеческого восприятия: “Усё ж такі гэта было даўно. Мабыць, нешта зацёрлася, як на старым дыску? Мабыць, чалавечая свядомасць недастаткова дасканалая, каб правільна ўспрымаць гістарычныя падзеі?” [1, с. 82] Поэтому в прозе молодых авторов, посвященной национальной истории, так часто присутствует балансирование на грани правды/вымысла, реальности/сна. В основе реализации того или иного варианта исторических событий лежит требование сделать осознанный выбор, доказать действенность своей веры в правильный образ себя, своей реальности, для чего служат элементы магического реализма, например, в восприятии образа русалок в романе Каминской: “Я наўмысна рабіла так, каб гэта было невядома – гэта ці то зданні, ці то людзі. Я пісала пра людзей, – адзначыла аўтарка. – Але апынулася, што чытачы бачаць здані і містыку. Выяўляецца, ім хацелася, каб “Дзікае паляванне караля Стаха” было прывідным, і зараз яны робяць такі выбар, чытаючы “Русалак” [5]. Вера в национальную идею, подобно вере в мистическую охоту, или призрачных русалок, или рай на картинах Киш, обретет реальность только по сознательной воле человека. Таков основной посыл романа А. Длатовской, вынесенный в название: “Ген зямлі – гэта адчуванне сябе беларусам”, то есть вера и выбор, готовность действовать и брать ответственности на себя, а не стечение обстоятельств или некий национальный рок: “Ген зямлі – ніякі не ген папраўдзе. Вы ж гэта разумееце, праўда? Ген зямлі – гэта тое, што прачынаецца ў нас, калі мы ўпершыню чуем беларускую мову, беларускія спевы, чытаем пра беларускіх герояў ці пра беларускую архітэктру. Ген зямлі – гэта любоў і гонар” [1, с. 105].

Влияние убеждений на реальность находит выражение в той мифотворческой, демиургической силе, которой наделяется литературное слово в произведениях белорусских авторов. Именно слово – основное оружие, средство творения, контроля над судьбой героев. В романе “Русалкі клічуць” случайная дневниковая запись прокладывает жизненный сценарий: “Ведаеш, едучы сюды, я зрабіў запіс пра смерць, так, мо прыдасца. Быў упэўнены, што на такое ніколі не рашуся, што гэта літаратурныя практыкаванні, размінка для фантазіі. А тут во як атрымалася” [6, с. 99]. С помощью осуществившейся легенды разрушают Мирский замок в “Гене зямлі”: “– Голова барана, Эдуард Львович. И это не я придумал. Это легенда. <...> Уничтожить пережиток прошлого при помощи легенды. Волшебная ирония” [1, с. 2]. Сказанные слова разделяют жизнь и смерть, реальность и литературный сюжет становятся неразделимы: “Паабяцай, і паедзем адсюль. <...> Я паверу табе, ты атрымаеш грошы, гісторыя скончыцца хэпі-эндом” [6, с. 105]. Поэтому мысли и убеждение – основной инструмент как борьбы, так и подчинения: “Чем это может быть опасно? – спрабуючы схаваць зацікаўленасць, запытаўся ён. – Мыслями, Данька” [1, с. 6]. Эту же веру белорусской исторической прозы отмечал П. Васюченко: “Да. Мифы, особенно созданные литераторами, имеют тенденцию воплощаться” [7]. В произведениях абсолютно различных авторов лейтмотивом проходит сожаление о невосполнимых лакунах национальной истории, восполнить которые в нынешних условиях может лишь творческое “зрение” писателя: “Ведаеце, як нішчылася наша гісторыя. Можа, нейкіх вартых людзей без вашай дапамогі сёння ніхто і не ўспомніць” [8, с. 42]. Именно поэтому творчество многих современных авторов отличают выраженное стремление к созданию нового исторического мифа.

В подобных произведениях не только слово, но и творчество в целом несет оттенок божественности. Можно вспомнить, что у Рублевской в “Дзецях гамункулуса” прошедшие трансформацию героини прежде всего утратили возможность ценить красоту, петь, понимать музыку и живопись. И именно красота – картина Киш – спасает героиню З. Каминской Марылю: “Я, калі тады ляжала, павярнуся на сцяны і гляджу на яго, пакуль цемра вочы не выеся. А на вуліцу і не глядзела. Тоня казалася, што тое ў райскім садзе. То я, бачыш, акно ў рай тады займела” [6, с. 74].

Внимание среднего и молодого поколения авторов заметно смещается с политических фигур к людям творческим: художник, писатель, антиквар, ювелир. Это не только скрытая усталость от темы насилия и разрушения, но и заявка на то, что мы способны взять контроль над судьбой – своей и своей страны. Сама история становится еще одним нарративом, полем для творчества и демиургических устремлений героя: “Ты, я бачу, такая ж, як і я: калі натрапіш на гісторыю, не супакоішся, пакуль не даведаешся, якім будзе канец. Я працую з мінуўшчынай, а гэта значыць, што ўсе канцоўкі там прадвызначаныя, мне неабходна толькі іх адшукаць. Я ніяк на іх не ўплываю, і гэта пачало раздражняць. А хацеў бы, каб у маім жыцці адбылася такая гісторыя, дзе галоўным героем быў бы я і канчатак для якой вызначыў бы сам” [6, с. 87].

Интересная концепция ремифологизации истории представлена З. Каминской, которая переводит проблему формирования национальной исторической концепции на язык современных коммуникационных технологий. Автор сформулировала, казалось бы, довольно очевидную мысль: у белорусской истории плохой пиар. Говоря терминами героев романа, чтобы по-настоящему популяризировать образ своей страны, ей нужен “смачны” провенанс: “Ведаеш, што такое правенанс? Гэта гісторыя валодання прадметам мастацтва, якая пацвярджае, што ён сапраўдны”. И в этом задача автора своими произведениями показать не просто историю страны, но сделать ее привлекательной и достойной в глазах общества, заставить в нее по-настоящему поверить, а для этого как нельзя лучше подходит “не проста правенанс, а таямнічы, містычны правенанс”. И задачу свою большинство отечественных авторов поэтому видят именно в своеобразном ребрендинге – создании современного, привлекательного провенанса целой стране, понятного новому поколению, непривычного и смелого, “Бо, як мне казалі, менавіта цікавая гісторыя <...> і робіць рэч даражэйшай” [6, с. 107].

В этом случае проскальзывает несколько циничная мысль, что для определенной группы людей красота сотворенного национального мифа об истории даже важнее его правдивости, что, на фоне увлеченности авторами разоблачением ложных исторических стереотипов создает еще один парадокс: “Ліза зразумела, што дыван зараз у яе забяруць. І ёй стала шкада і крыху смешна: во, раней ляжаў анучай, а зараз да яго дадалася гісторыя, і ён ператварыўся ў скарб” [6, с. 76].

При этом авторы выбирают различный подход к уже упомянутым лакунам в историческом знании. Перестать рефлексировать о пройденном предлагает молодой автор К. Шталенкова в своей трилогии “Адвартны бок люстра”, герои которой с помощью магического артефакта могут перемещаться в прошлое с целью его изменить. К. Шталенкова не первая исследует тему путешествий во времени. Этой теме посвящена книга Рублевской “Забіць нягодніка, альбо гульня ў Альбарутэнію”. Подобно тому, как герои К. Шталенковой безуспешно пытаются предотвратить смерть Кароля Новака, так и “попаданцы” Л. Рублевской способны лишь бессильно наблюдать за гибелью людей: “Разалія <...> ўпарта спрабавала выправіць лёс свайго роду, скручаны, як жалезны крыж, у які ўдарыла маланка” [8, с. 11].

На данных примерах заметно, что творчеству авторов более старшего поколения свойственно скорее “оправдание истории”. Им невыносима мысль о бессмысленности жертв своего народа и о том, что все исторические неудачи – результат собственной слабости и недалекости. Именно поэтому в их творчестве звучит мотив неизбежности, неотвратимости, безвариантности пройденного страной исторического пути. И Л. Рублевская, и К. Шталенкова по сути отстаивают одну и ту же идею: “Ясна, што змяніць мінулае немагчыма. Нават галінку грушы не адпілуеш” [8, с. 64]. Это отчасти объясняет сакрализацию страданий погибших героев Л. Рублевской и писателей старшего поколения – Л. Дайнеко, К. Тарасова, О. Ипатовой, В. Ковтун.

С точки зрения К. Шталенковой подобная сосредоточенность на культурных травмах, бесконечное оплакивание – типичная ошибка старшего поколения, которые

снова и снова воскрешают прошлые неудачи в утопическом стремлении их исправить или найти в них смысл: “Я ведаю, што мінулае нельга змяніць, <...> Але ж усё роўна, прабавалі? Пан Альбрэхт бязвольна бразнуў рукой аб ложкак. – Вядома, спрабаваў, ціха прамовіў ён. – І не раз” [9, с. 282]. Не случайно четкое деление убеждений ее героев по возрастному признаку.

У Л. Рублевской современные потомки (словно копирующие предков и внешне, и характером) словно дают героям прошлого шанс прожить еще одну жизнь, исправляя обиды и несправедливости истории. У К. Шталенковой вера в то, что “асобныя шчасліўцы могуць наноў пражыць яшчэ адно жыццё, пазбегнуўшы смерці і выправіўшы свае памылкі” оказывается неосуществимой и губительной для всех носителей этой идеи [9, с. 325]. Жених оттаскивает Басю от зеркала-портала, протестуя против одержимости идеей переосмысления прошлого. С его точки зрения менять (творить) стоит только будущее: “На ўсялякі выпадак хачу папярэдзіць: мінулае нельга змяніць, – ветліва ўсміхнуўся пан Альбрэхт. – Ведаю. Я ўжо неяк спрабаваў <...> Толькі гэта не мінулае. Гэта мая будучыня, ба тут мяне пакуль не было” [9, с. 378]. Такое различие восприятия, скорее, связано именно с поколенческими отличиями восприятия и личным опытом авторов, так как не только белорусские, но и известнейшие англоязычные писатели – Х. Ментел, К. Исигуро, М. Робинсон единодушно утверждают невозможность забвения без примирения и проработки прошлого.

Таким образом, для современных авторов, которые активно обращаются к теме национальной истории, актуальной остается как проблема переосмысления уже сложившихся исторических концепций, так и заполнения утраченных сведений о важных моментах прошлого. В этом случае автору приходится решать дилемму соотношения правды, разоблачения идеологических наслоений, и допустимой художественной свободы в создании собственного видения прошлого и настоящего своей страны.

Список использованной литературы

- 1 Длатоўская, А. Ген зямлі: аповесць / А. Длатоўская. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 131 с.
- 2 Камінская, З. Гульня словаў / З. Камінская // Дзеяслоў : літаратурна-мастацкі часопіс / заснавальнік ГА “Літаратурна-мастацкі фонд “Нёман”. – 2016. – № 4 (83). – С. 94–104.
- 3 Балахонаў, С. Імя грушы : раман, апавяданні / С. Балахонаў. – Мн.: Логвінаў, 2005. – 226 с.
- 4 Шталенкова К. Губернскі дэтэктыў. Справа аб крываваых дукатах / Ксенія Шталенкова. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 216 с.
- 5 Дварэцкая, А. “Пункт адліку” ў Школе маладога пісьменніка [Электронны ресурс] / А. Дварэцкая. – Рэжым доступу: https://lit-bel.org/news/Punkt-adlku--Shkole-maladoga-psymentnika-FOTAGALEReYa-8210/?sphrase_id=241448. – Дата доступу: 19.10.2019.
- 6 Камінская, З. Русалкі клічуць: аповесць / З. Камінская. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 107 с.
- 7 Фантасмагорія на тему історыі [Электронны ресурс] // Издательский дом “Беларусь сегодня”. – Рэжым доступу: <https://www.sb.by/articles/fantasmagoriya-na-temu-istorii.html>. – Дата доступу: 27.09.2020.
- 8 Рублеўская, Л. Забіць нягодніка, альбо гульня ў Альбарутэнію / Л. Рублеўская // Сутарэні Ромула : раманы. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 520 с.
- 9 Шталенкова, К. Адваротны бок люстра / К. Шталенкава. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2016. – 382 с.